

А. В. ЖУЧКОВА*

**ГАРМОНИЯ И ДИСГАРМОНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА
ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА
В РЕФЛЕКСИИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Актуальность творчества В. Г. Распутина не ограничивается ни временными, ни идеологическими рамками конца XX века и предоставляет современному исследователю целый спектр остроактуальных тем и проблем, подтверждая тезис о неисчерпаемости настоящего искусства. Произведения Распутина вступают в живой диалог как с сегодняшним читателем, так и с произведениями современных российских писателей Р. Сенчина, А. Рубанова, С. Кузнецова, поднимая вопросы гендерной самоидентификации, роли семьи в формировании личности и ответственности человека за все происходящее в мире. Сегодня многие говорят об антропологическом повороте в литературе, но первым заговорил об этом Распутин, сместив акцент с тотального обвинения власти и государства на размышления о нас самих. В художественном мире Распутина выбор между правдой и неправдой, гармонией и дисгармонией всегда происходит в душе отдельно взятого человека.

Ключевые слова: В. Г. Распутин, Роман Сенчин, Андрей Рубанов, Сергей Кузнецов, дуализм, гендер, женщина в современном мире, ответственность, «маленький человек», Франц Кафка.

В современном курсе истории русской литературы В. Г. Распутин предстаёт как писатель-почвенник, один из лучших представителей «деревенской прозы» [см.: 1, 217–230]. Но его творчество не ограничивается кругом деревенских вопросов. Современному читателю Распутин предлагает целый спектр остроактуальных проблем: свобода выбора в контексте зависимости/независимости человека от государства; проблема осознанности и личной ответственности; отношения мужчины и женщины, вопросы гендерной самоидентификации. Творчество Распутина актуально, потому что главное в нём не громокипящая вера в человечество, не токсичное самобичевание отдельного индивидуума, а искренняя человечность, чувство не декларативное, а живое. И как все живое — достаточно противоречивое.

---

* Анна Владимировна Жучкова — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов (Москва, Российская Федерация); capra@mail.ru

Валентина Распутина не всегда понимали и одобряли при жизни. Ведь кроме «печального писателя» забытых деревень, был и другой Распутин — «глашатай великих строек социализма, шестидесятник. <...> были попытки соединить несоединимое — свободу труженика и интересы государства, социализм и дореволюционные идеалы <...> все эти десятилетия он носил в одной душе и героев “Костровых новых городов” и “Прощания с Матёрой”. И какая это была тяжёлая ноша, представить невозможно» [2, 273–274]. Живое чувство — всегда баланс противоречий. Поэтому Распутин, умея показать противоречивые ракурсы жизненных явлений, словно сомневается в своём праве на их оценку. Он не даёт однозначных ответов, поэтому и мы рассмотрим центральные вопросы его творчества в амбивалентности художественных решений и скрещении жизненных правд.

Конец советской эпохи крестьянский мир встретил в состоянии нищенском, выморочном не столько в материальном, сколько в духовном плане. Издревле связанный плотью и духом с природой земледелец обладал знанием о законе и благодати мироустройства. Он прозревал гармонию в цикличности, а в непредсказуемости природы — урок. Славянская и наследующая ей православная земледельческая община основывалась на убеждении, что по делам человеческим и награда, и кара. Советское же крестьянство за несколько десятилетий было лишено и интимно-личного общения с землёй, и веры в целесообразность природного и божественного мироустройства, и государственной поддержки. Роль крестьянства как класса свелась к обслуживанию гегемона — класса рабочих. Так закон о паспортах для жителей деревни, то есть о равноправии рабочих и крестьян, был принят лишь в 1976 году, а в полную силу заработал к началу 1980-х. Вероятно, именно поэтому крестьянские герои Распутина воспринимают своё участие в жизни страдательно, относясь ко всему происходящему с ними нерелективно, как к неизбежному и не зависящему от них самих. Это касается как поворотов истории («на... ну, как бы обчужили <...> государство своих обязанностей не исполняет, а правосудие принимается торговать законами, как редькой с огорода»), так и таких простых и личных дел, как одалживание денег у брата: «Его охватывает горькое, тоскливое чувство неизбежности того, что сейчас произойдёт <...> сейчас ему откроют». Сейчас произойдёт, ему откроют — уже безличность этих глагольных конструкций отчаянно безысходна. Все происходящее на уровне как общественной, так и личной жизни кажется героям Распутина чьей-то жестокой шуткой, несправедливым издевательством. Преодолеть которое они не в силах. Мир распутинских повестей захлёстывают дисгармония и хаос: деревни затапливают, деньги не одалживают, дома сжигают, бесстыдство по телевизору показывают и за преступление не судят. Одним словом, маленьких людей не защищают и их проблемы не решают. А сами они защитить себя не в силах. Потому что не чувствуют себя в праве.

Лирическая передача жуткой жути неправильности мироустройства, разящей наповал жестокости, — одна из болевых точек распутинского творчества:

«Но почему так тревожно, так смутно на душе — только ли от затяжного ненастья, от вынужденного безделья, когда дел невпроворот, или от чего-то ещё? Попробуй разберись. Вот стоит земля, которая казалась вечной, но выходит, что казалась, — не будет земли. Пахнет травами, пахнет лесом, отдельно

с листом и отдельно с иголкой, каждый кустик веет своим дыханием; пахнет деревом постройки, пахнет скотиной, жильём, навозной кучей за стайкой, огуречной ботвой, старым углём от кузницы — из всего дождь вымыл и взял разные терпкие запахи, всему дал свободный дых. Почему, почему при них, кто живёт сейчас, ничего этого не станет на этой земле? Не раньше и не позже. Спроста ли? Хорошо ли? Чем, каким утешением унять душу?» («Прощание с Матёрой»).

Вопроса «кто виноват?» и «что делать?» у распутинского героя даже не возникает. Маленький герой «Уроков французского» не пытается защитить себя от воровства так же, как не защищает себя учительница, несправедливо уволенная директором. Настёна («Живи и помни»), смертельно зажатая между долгом перед мужем, деревней и государством, мечется между чужими правдами и даже не пытается найти свою, предпочитая уйти от столкновения в небытие. Тем самым она нарушает правду самую святую, божественную и материнскую: убивает себя и нерождённого ребёнка. Но вопрос «кто виноват?» снова не задан. В каждом конкретном случае оказывается, что по-настоящему не виноват никто, действия каждого — и малолетнего голодного вора, и ставящего жизнь выше войны Гуськова — можно объяснить, а следовательно, почти оправдать.

Обвинение можно предъявить только по кафкианскому счёту, ко всем героям Распутина сразу — за то, что считают себя слабыми и немощными, что сдаются прежде поражения, что поверили в собственную беспомощность и незначительность больше, чем в самих себя.

Распутинская тема тотальной несправедливости действительно близка проблематике произведений Кафки. Комплекс вины, который исследователи отмечают у героев Кафки, состоит в том, что его герой изначально виноват перед миром. Его вина — в ощущении себя беспомощным, слабым, готовым смириться с обстоятельствами и подстроиться под окружающее несовершенство.

Герой «Процесса» сдался без борьбы, посчитав власть (или судьбу) сильнее себя. Лишь в самый последний момент Йозеф К. осознаёт, что гибнет «как собака»! Но сознание вытесняет истинную причину позора. И К. думает, что «должен был бы схватить нож, который передавали из рук в руки над его головой, и вонзить его в себя. Но он этого не сделал, только повернул ещё не тронутую шею и посмотрел вокруг. Он не смог выполнить свой долг до конца и снять с властей всю работу, но отвечает за эту последнюю ошибку Тот, Кто отказал ему в последней капле нужной для этого силы... Где Судья, которого он ни разу не видел? Где Высокий Суд, куда он так и не попал?». Эти последние слова романа — обвинение слабого человека Богу, упрёк за то, что сделал его слабым. Обвинение абсурдно: неужели у Бога не достало бы «капли силы»? Обвиняя Бога, человек обвиняет себя, не взявшего эту силу, решившего быть слабым.

Вина кафкианского героя, как и «маленького человека» русской литературы, идейными наследниками которого стали многие герои Распутина, в том, что они готовы винить в собственной слабости кого угодно (соседей, обстоятельства, власть), но только не искать причину в себе.

Человек-то маленький, утверждает Дарья, лучшая из распутинских старух, героиня лучшей повести Распутина «Прощание с Матёрой»:

«И про людей я разглядела, что маленькие оне. Как бы оне не приставлялись, а маленькие. Жалко их. <...> Ты из своей человечьей шкуры хочешь выскочить? Ан нет, Андрюшка, не выскочишь. Не бывало ишо такого. Только обдерёшься да надсадишься без пути. И дела не сделаешь. Покуль выскакивать пыжиться будешь, смерть придёт, она тебя не пустит».

Ну да, все маленькие, все чёрненькие. И некому их защитить. И бросаются они, жалкие, друг к другу, и друг у друга не находят ни теплоты, ни помощи:

«Мама, как же мне теперь жить-то? — спрашивает Светка. — Как? Я сама себя ненавижу. Я с собой не знаю, что сделала бы...». Тамаре Ивановне хочется, в свою очередь, спросить: «А мне как жить? Мне-то как жить, дочь ты моя родная?» («Дочь Ивана, мать Ивана»).

«Родной мой! — иступлённо шептала она. — Спаси меня, Кузьма, не отдавай им меня!» («Деньги для Марии»).

Спаси, помоги, реши за меня.

А сильные характером в сложных ситуациях бухают кулаком по столу и гневно восклицают: «Да как же это можно?» Так дважды протестует против несправедливости мира героиня последней повести Распутина Тамара Ивановна, а на третий раз убивает обидчика.

Страшно. После Достоевского и Чехова, после Гумилёва и Мандельштама на исходе XX века перед нами снова маленький человек, настаивающий на своём праве терять человеческий облик, если условные «они» не готовы обеспечить ему достойного существования.

Распутин показывает, что жалость к себе и ощущение жизни как тотальной несправедливости — это порочный круг. И непонятно, кто тут виновнее — мужчины или женщины. Всегда сопрягает Распутин мужское и женское начало в своих повестях, и нам о многом надо будет подумать, перечитывая их. Андрей Гуськов, герой романа «Живи и помни», вроде бы трус и малодушный мужичонка. Но ведь и героическая Настёна мужественна только в терпении, но не готова думать и принимать самостоятельные решения. Вся рефлексия героини исчерпывается осознанием того факта, что у неё есть муж. Её самосознание, как и у большинства героев Распутина, находится в плену заданных обстоятельств. Есть муж — слушайся. Кавказец изнасиловал дочь — убей. Око за око, зуб за зуб. Всё то же примитивное, дикое, нечеловеческое:

«Тут дело такое: не поможете вы сегодня — завтра и до вас доберутся, и из вас сварганят бутерброд на закуску. Это же не случайно, это же нашествие — все эти чёрные, жёлтые, пегие... они ведут себя как завоеватели, мы для них быдло» («Дочь Ивана, мать Ивана»).

В финале повести «Дочь Ивана, мать Ивана» Распутин полемически заостряет вопрос о свободе внешней и свободе внутренней: вышедшая из тюрьмы героиня обнаруживает, что лица у людей с обеих сторон тюремной решётки одинаковые:

«жадно всматриваясь в людей, остававшихся здесь, ничем не стеснённых, безоговорочно себе принадлежащих, она вдруг поразилась: да ведь это лица тех, за кем наблюдала она т а м. Те же самые стылость, неполнота, следы существования только одной, далеко не лучшей частью... Это что же? Почему так? И там, где нет свободы, и здесь, где свобода навалена такими ворохами, что хоть из шкуры вон, результат одинаковый?»

В «Прощании с Матёрой» автор выносит ясный и беспощадный приговор и своим героям, и большинству современников:

«Ежли на гонор не смотреть — родился [человек] ребятёнком и во всю жисть ребятёнком же и остался. И бесится, дурит — ребятёнок, и плачет — ребятёнок. Ни власти над собой, ни холеры. <...> А ишо смерть... Как он её, христовенький, боится! За одно за это его надо пожалеть. Никто в свете так не боится смерти, как он. Хужей всякого зайца. А от страху чего не наделаешь...»

Получается, хаос внешний, дисгармония мироздания возникает вокруг человека, который не может навести порядок в себе самом. Потому что в природе хаос и гармония слиты воедино. А человеку дано выбирать. Если он, конечно, умеет это — думать, выбирать и принимать решения.

В мире распутиных повестей таких героев нет. Даже старухи, женщины — главные героини его повестей, хранительницы мудрости и опыта, даже они — всего лишь маленькие девочки, показывающие кукиш неприятностям, ищущие защиты у давно умерших родителей.

Старуха Дарья, прощаясь с Матёрой, могилами родителей и прежней жизнью, ощущает себя на своего рода реперной точке (скорее всего, и не зная этого термина): одним клином позади неё стоят предки, другим, впереди — потомки, она же — точка на острие первого и в основании второго, от её выбора зависит судьба рода. Этот образ — метафора ответственности человека. Каждый из нас — на острие клина предков и у основания клина потомков. Каждый решает судьбу рода в обе стороны. Потому что даже оттуда, из-за грани, предки смотрят на нас с надеждой:

«Ей представилось, как потом, когда она сойдёт отсюда в свой род, соберётся на суд много-много людей — там будут и отец с матерью, и деды, и прадеды — все, кто прошёл свой черед до неё. Ей казалось, что она хорошо видит их, стоящих огромным, клином расходящимся строем, которому нет конца, — все с угрюмыми, строгими и вопрошающими лицами. А на острие этого многовекового клина, чуть отступив, чтобы лучше её было видно, лицом к нему одна она. Она слышит голоса и понимает, о чём они, хоть слова звучат и неразборчиво, но самой ей сказать в ответ нечего. В растерянности, в тревоге и страхе смотрит она на отца с матерью, стоящих прямо перед ней, думая, что они помогут, вступятся за неё перед всеми остальными, но они виновато молчат. А голоса всё громче, всё нетерпеливей и яростней... Они спрашивают о надежде, они говорят, что она, Дарья, оставила их без надежды и будущего. Она пытается отступить, но ей не дают: позади нее мальчишеский голос требует, чтобы она оставалась на месте и отвечала, и она понимает, что там, позади, может быть только Сенька, сын её, зашибленный лесиной...»

Но осознавая всё это, старуха Дарья всё равно отворачивается от будущего. Да, непривычного и страшного для неё. Но всё же будущего. И ни на йоту не признаёт своей ответственности за это будущее. Она поворачивается лицом к прошлому, к своим маме и папе, и за спиной у нее остаётся лишь один голос — голос рано умершего сына. А о сыне живущем, Павле, мучающемся в сомнениях, и о внуке Андрее, избирающем путь на гидроэлектростанцию, откуда придёт смерть Матёре — о них Дарья не заботится. Да, они взрослые. Но они — мужчины, нуждающиеся в женской мудрости и поддержке. Вместо дум о близких Дарья занимается подновлением избы, которая пойдёт под снос, то есть тем, что знает и умеет, проявляя упорство, выносливость и терпение. Она сделала выбор за весь род. И выбор этот — смерть.

«Прочитавши такое — много уже раз читанное и у Распутина, и у других “деревенщиков”, — хочется вздохнуть тяжело и занудливым голосом спросить: “Чтобы что?” Упорство, выносливость, терпение — ведь это только средства, а описана в рассказе безлюбая, механическая, тупая, несчастная жизнь. Ведь не изба же эта — её сокровенный смысл?» — писал в своё время Александр Агеев по поводу другого рассказа Распутина — «Изба» (Агеев А. Валентин Распутин. Новая профессия; Изба. Рассказы // Знамя. 1999. № 6. <https://znamlit.ru/publication.php?id=828>).

Распутинские женщины упорны и долготерпеливы. Но часто их мужество не сплачивает семью, а разрушает. Быть мужественным — удел мужчины. Размышления о предназначении женщины и роли мужчины — важная тема произведений Распутина и современной литературы в целом. О долготерпеливых женщинах, обеспечивающих благополучную жизнь мужчине, не только роман Распутина «Живи и помни», но и «Учитель Дымов» Сергея Кузнецова (2017). Настёна и Женья, главные героини этих романов, приносят полноту своей жизни в жертву любимому. Но к добру ли такая жертва? Вопреки стереотипу женственности как жертвенности, авторы этих романов показывают нам как минимум неоднозначность подобного поведения, а как максимум — заставляют задуматься о самоуважении и осознанности, которой женщинам часто не хватает.

Отсутствие женственности и женского достоинства приводит к несчастьям семью Тамары Ивановны из повести Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана». Героиня — дочь, мать, но не женщина. Бой-баба, «диспетчер», но не возлюбленная. «Она ходила по-мужски, уверенным и размашистым шагом, “ступью”, как говорили раньше», «Отец без скидки учил свою Томку тому же, что давал сыновьям». Ей нравилось быть шофёром, водить наравне с мужиками тяжёлые большегрузные машины. И не нравилось работать в детском саду. Тамара Ивановна шарахается от слов сына о женщине как о «паве», достойной восхищения. Не любя себя, Тамара вырастила и дочь, не понимающую, когда надо сказать «нет» незнакомому мужчине.

Рядом с такими женщинами мужчина теряет мужественность. Распутин раз за разом подчёркивает смещение гендерных ролей:

«Мужчина, — презрительно растягивая слово, Дуся кривила полные, аккуратным ровиком округлившие рот губы. — Вы только посмотрите: мужчина... А почему мужчина? Это слово женского рода. Женщина, к примеру, это она, она и есть женщина. И мужчина тоже она, а не он» («Дочь Ивана, мать Ивана»).

Герои-мужчины у Распутина малодушны, это латентные или явные трусы и слабаки. Даже лучшие из них — всего лишь приспособляются к женщине, но не отвечают за неё:

«Отец своего добивался кружным путем, <...> исчезал и оставался при своих интересах» («Дочь Ивана, мать Ивана»).

Писатель предполагает, что причиной гендерного кризиса в России стала Вторая мировая война:

«произошло это от смертельной усталости мужиков, воротившихся с фронта и свалившихся без задних ног подле своих баб. И вот пока фронтовики от чистого сердца и не чуя беды дрыхнули, бабы успели заседлать их и давай рвать губы железной уздой» («Дочь Ивана, мать Ивана»).

Но на самом деле та же проблема описана ещё в пушкинской «Сказке о рыбаке и рыбке».

Эту сцепку, кажется, не разорвать: чем слабее духом мужчины, тем на большее вынуждены отваживаться бабы, и тем малодушнее становятся отстранённые от ответственности их мужья.

Порывом к преодолению мужского малодушия в русской литературе стала «пацанская проза» А. Рубанова, З. Прилепина, С. Шаргунова. Злые и сильные, их герои решили поставить мужчину на отведённое ему природой место и выдвинули так называемый кодекс пацана. В 1990-е они шли вырывать у жизни «своё, законное»: грабить, обманывать, убивать. «Я не мстил государству, но запомнил. И потом на протяжении пяти лет просто делал что хотел. Забирал своё» (А. Рубанов «В бегах»). В романе «Великая мечта» герой А. Рубанова ворует запасы из багажников таких же нищих обывателей, взнуздывая брыкающуюся совесть: «деньги не появятся, пока их не вырвешь у мира, не выгрызешь, не вытянешь хитростью!»

Это путь не мужа, но пацана, подростка. Ещё Достоевский обосновал его бесплодность. Борьбаться с миром тщетно, начинать надо с себя. Пока размышления о вине и ответственности не будут направлены на себя самого, жизнь пацана не изменится, и это мало зависит от изменения жизни вокруг.

Так и случилось.

Прошло время, миновали пубертатные для России 1990-е, откуда родом авторы и герои пацанской литературы. Но сами они так и не выросли, так и не стали мужчинами. Рубанов в новом романе («Патриот», 2017) вынужден был похоронить своего главного героя Сергея Знаева, переставшего соответствовать духу времени.

Поэтому вопрос, поставленный Распутиным, — о том, что же такое настоящая женственность и в чём предназначение мужчины, — остаётся открытым.

А тему тотальной дисгармонии и гибели русского мира в современной отечественной литературе продолжает Роман Сенчин. Вымиранию деревни посвящены его «Ёлтышевы», потере земли и родины — «Зона затопления», на первой странице которой стоит посвящение: «В. Г. Распутину». «Зона затопления» о том же, о чём и «Прощание с Матёрой» — о затоплении обжитых земель из-за строительства ГЭС. Горькое негодование Сенчина вызвано запуском в 2012 году Богучанской ГЭС, строительство которой было ранее заморожено с обещанием *никогда* его не возобновлять. Уроки прошлого: погибшие деревни и луга, на многие километры заболоченные леса, обезрыбленные реки и прочие последствия «дешёвой» электроэнергии не усвоены руководством страны. И от повтора того, что никогда не должно было повториться, «Зона затопления» трагичнее и страшнее, чем «Прощание с Матёрой». И осмысление этой несправедливости по-сенчински во много раз безысходнее, чем у Распутина. В мире Распутина есть герои — и есть автор, мировоззрение которого отлично от взгляда героев. У Сенчина же мнение героев и автора едино, ощущение тотальной несправедливости здесь становится мировоззренческой доминантой. Даже самые активные и жизнеспособные персонажи «Зоны затопления» сдаются перед лицом неизбежности зла. Неизбытой всеобщей вине соответствует глобальность наказания: возмездие приходит в мир живых под видом мёртвой воды, захватившей город. Зона затопления — это наш мир, где, начав с могил предков, мёртвая

вода поднимается всё выше и грозит гибелью всему живому. «Ёлтышевы», «Зона затопления» — романы о беспросветности зла, пророчества о гибели земли русской. Сенчин раскрашивает бытие только тёмными тонами, находя эстетику в коллекционировании оттенков гниения и разложения, уныния и отчаяния. Но не так было у Распутина.

Помимо повестей, где действовали в основном герои с примитивным сознанием, у Распутина есть рассказы, главную партию в которых исполняет лирический герой, выразитель авторского «я». Их открытость, исповедальность и чистота ведут читателя от хаоса к гармонии.

«Век живи, век люби» — рассказ о бескрылой глупой подлости, которая царапает, но не ранит, потому что главный герой сознаёт присутствие в жизни и иного — могучей силы природы. Помимо суеты человеческих грехов есть она, мудрая и прекрасная. И если умеешь находить с ней общий язык, чувствовать себя частью её тайны и красоты, то никогда не будешь одинок и несчастен.

«Саня раздвигал кусты и замирал от раскрывшегося потревоженного густоплодия. Дымчато-синяя, сыто и рясно подрагивающая сыпь ослепляла, вызывая и удивление, и восторг, и вину, и что-то ещё, чему Саня не знал имени и что западало в душу всё это вместе скрепляющим чувством — смутным и добротворным».

В рассказе «Что передать вороне» к гармонии с природой добавляется ещё один камертон человечности — любовь. Натянутая эгоистическим устремлением взрослого, жалобно звучит потревоженная струна доверия ребёнка к отцу. Из-за невнимания, нежелания услышать, спешки к себе отец разрывает контакт с дочерью, и вдруг жизнь оказывается стылой и неудобной, а дело, в жертву которому была принесена дочкина нежность, теряет смысл.

Подавленный, герой уходит на берег Байкала, долго бродит по лесу и там, «полностью соединившись с собой», понимает, в чём допустил ошибку.

Сокровенная тема Распутина — редкая в нашей литературе тема радости слияния души человеческой с духом природы. И смерть, и несчастья, и грехи человечья отступают перед бесконечно прекрасной и вечной музыкой мироздания, явленной нам каждую минуту каждого дня:

«Это было настоящее, хоть и бледное, усталое, с великим трудом продравшееся сквозь тучи солнце. Пред самым закатом оно выкатилось на узкую чистую полоску и, объявляя своё освобождение, зазвенело, засияло, обещая, что только зайдёт за ночь, а утром выйдет и примется за работу. Дурноматом кричали петухи; кричала скотина; где-то гулко и торжественно бухало железо» («Прощание с Матёрой»).

Эту пронзительную прекрасную ноту исповедальной лиричности, это умение слышать музыку мироздания сегодня настойчиво ищет отечественная литература. Олег Ермаков, Михаил Тарковский, Дмитрий Новиков ходят по тайге, по северным рекам, по лесным чащам — прислушиваются, прилаживают свою речь к гармонии мира. Ирина Богатырёва путешествует по Алтаю. Дарья Бобылёва изучает потаённую жизнь подмосковных деревень. И даже Роман Сенчин, заговорив о детстве в деревне в рассказе «А папа?», оборачивается к читателю неожиданной, человеческой своей стороной. Вместе с четырёхлетним Матвеем он дружит с крапивой, наблюдает за гусями и надеется расколдовать папу, мужчину, которого жизнь превратила в «козла с бубенчиками».

Вот где настоящий ответ на вопросы распутинских произведений. Отчаяние и хаос и создаёт, и преодолевает только сам человек. Начни менять мир с себя. С тонкой и важной настройки на гармонию мироздания. Услышь звуки природы и песню, которую поёт сердце близкого человека, — тогда и мир предстанет перед тобой прекрасным и чистым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мескин В. А., Леденёв В. А., Коваленко А. Г.* и др. «Деревенская проза». В. Распутин // История русской литературы XX–XXI вв. М.: Юрайт, 2016. 411 с.
2. *Сенчин Р.* Забытый Распутин // По пути в лету: Публицистика, литературная критика. М.: Литературная Россия, 2015. 304 с.

REFERENCES

1. *Meskin V. A., Ledenev V. A., Kovalenko A. G. i dr.* «Derevenskaja proza». V. Rasputin [The “village prose”. V. Rasputin] // Istorija russkoj literatury XX–XXI vv. Moscow: Jurajt, 2016. 411 s.
2. *Senchin R.* Zabytyj Rasputin [Forgotten Rasputin] // Po puti v letu: Publicistika, literaturnaja kritika. Moscow: Literaturnaja Rossija, 2015. 304 s.